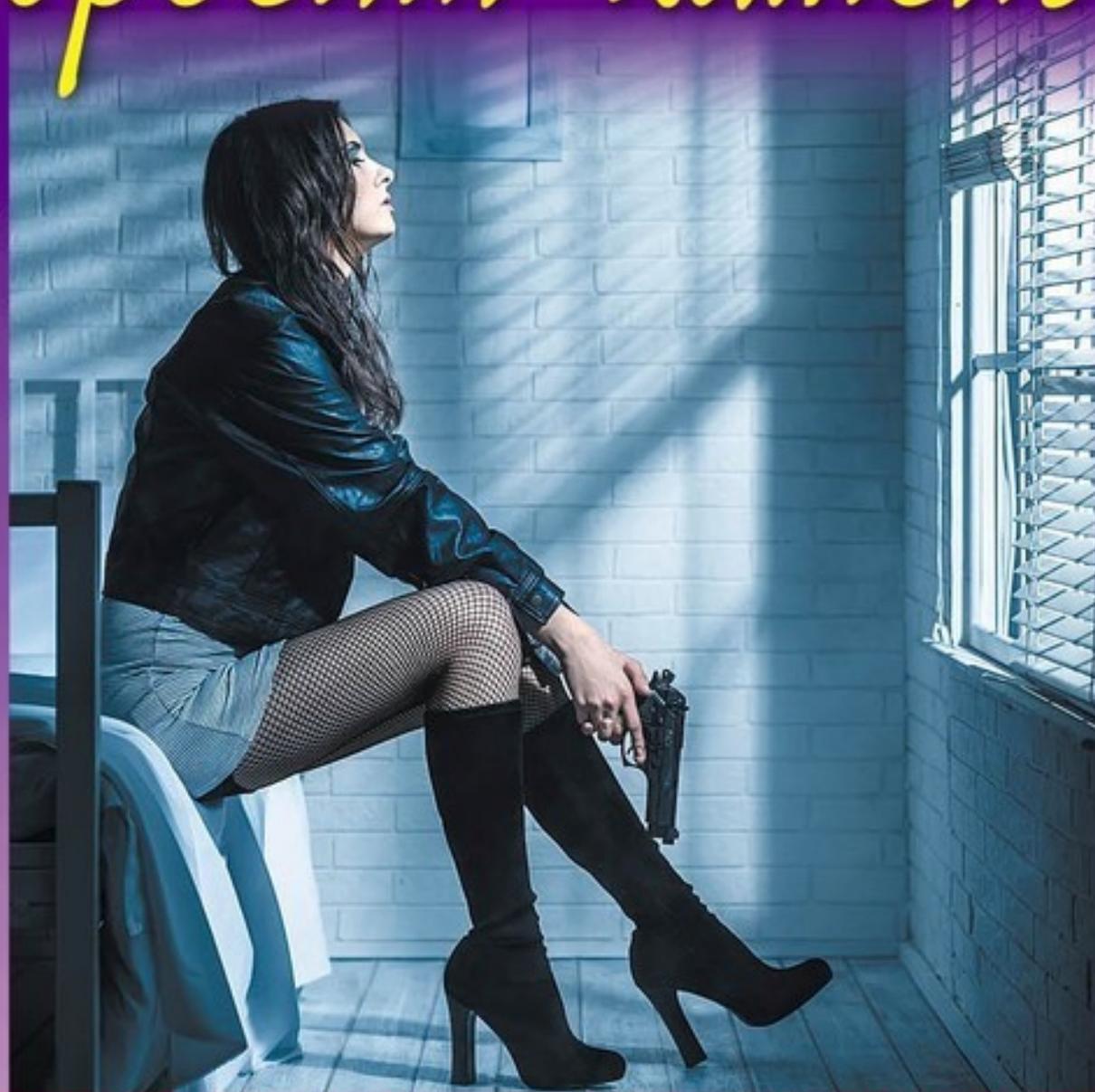

Марина
СЕРОВА

**Кто первым
бросит камень**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохрани́тель Евге́ния Охотникова

Марина Серова

Кто первым бросит камень

«ЭКСМО»

2014

Серова М. С.

Кто первым бросит камень / М. С. Серова — «Эксмо»,
2014 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-699-71644-9

Профессиональному телохранителю Евгении Охотниковой на этот раз досталось несложное задание – сопровождать во время первого визита «на землю предков» потомка русских эмигрантов в четвертом поколении американца Ивана Хрусталеффа. На приеме в честь дня рождения Елизаветы Киприановой в загородном особняке ее свекра, известного в прошлом грессмейстера, они стали свидетелями смерти хозяина при очень странных обстоятельствах. По пути домой Елизавета с сыном Артемом, страдающим аутизмом, попали в аварию. Мальчик не пострадал, а раненая мать попросила Евгению доставить сына к его отцу, проживающему в Израиле. По дороге мальчика похитили и затем странные посылки стали присылать... Евгении. Теперь ей на пару с подполковником израильских ВВС Йосефом придется побегать в поисках «несчастливого ребенка». А ведь кто-то еще должен раскрыть тайну гибели известного шахматиста...

ISBN 978-5-699-71644-9

© Серова М. С., 2014

© Эксмо, 2014

Марина Серова

Кто первым бросит камень

Старик проснулся, когда на часах была полночь. Старинные часы, стоявшие в углу комфортабельной спальни, пробили двенадцать раз, и с последним ударом старик понял, что окончательно проснулся и больше не заснет. В последние годы его часто посещала бессонница, и он даже приучился ценить эти ночные часы. В конце концов, подремать можно и днем, а вот драгоценную тишину, когда все в доме спят, не заменить ничем. Тишина глубокая и полная. Не играет вдалеке радио, не стучат по лестнице шаги, не стрекочет под окном газонокосилка садовника, затих отвратительный шум машин. Даже вертолеты, что днем нарушают его покой, пролетая над домом, замолкли до утра.

Старик выбрался из кровати, накинул халат, сунул ноги в шлепанцы, отделанные лисьим мехом. Подошел к окну и остановился, глядя в темноту сада. Распахнул створки окна. Теплая летняя ночь была прекрасна. Старик помнил столько прекрасных летних ночей, что голова начинала кружиться, когда задумаешься над этим, – точно смотришь на звездное небо или в глубокий черный колодец. Время, время... С ним не договоришься, не станешь спорить. В молодости он не замечал, как оно течет. В последнее время каждая секунда представляется старику песчинкой в песочных часах – вроде тех, что стоят у него на столе.

Он прожил долгую жизнь, полную событий. Он познал славу и успех, известность его была заслуженной, и весь мир повторял его имя. Он был богат, и богатство досталось ему честно. Он любил, и его любили. Он стал отцом, и сын вполне успешен, любой бы гордился таким наследником...

И все-таки жизнь – это поражение. Так думал старик, стоя у окна своего особняка.

За его спиной сама собой вспыхнула свеча. Дрожащее пламя осветило шахматную доску с расставленными фигурами, замершими посреди партии. Вот уже два дня старик никак не мог закончить этюд – все время мешали мысли, отвлекали, раздражали, расстраивали...

Но от *этой* партии ему, похоже, не отвертеться. *Эту игру* ему придется закончить.

– Сыграем? – раздался глубокий голос, не слышный никому, кроме старика.

Старик молча кивнул и опустил в кресло. Протянул руку к коню, замершему на белой клетке. Рука слегка дрожала. Старик презирал себя за это. Он выпрямился в кресле и сделал ход.

И тут же пожалел об этом. Ход был поспешный, необдуманный. С таким противником спешить не стоит... но теперь уже поздно, ничего не поправить. Старик поднял глаза.

Его противник и гость – высокая фигура сплошь из лишенных плоти костей, в одной из которых виднелась призрачная коса с блестящим лезвием, – сделал ответный ход.

– Шах и мат, – довольно проговорил противник. Как и всякий другой, он любил выигрывать.

– Что же, – сказал старик. – Значит, пора.

Он сам загасил свечу. В кромешной темноте свистнула коса.

– Игра окончена, – произнес чей-то голос.

Старик вскрикнул и проснулся. Он долго лежал с бешено колотящимся сердцем, слушая звуки просыпающегося дома. Окно было открыто, и холодный ветер из сада листал бумаги на столе. Старик тяжело поднялся с кровати, похромал к столу. По утрам колени слушались неохотно, и требовалось какое-то время, чтобы их «расходить». Фигуры на доске замерли в той же позиции, что и вечером. Никакого шаха и тем более мата не было.

Старик откинул крышку черепа, стоящего на столе, и достал из бархатного углубления мобильный телефон. Набрал привычный номер. Старик собрал все силы и приготовился к разговору, словно собирался прыгать с вышки в холодную воду.

– Это ты? Здравствуй. Я давно собираюсь тебе кое-что сказать. Сегодня я видел сон. Я играл в шахматы со смертью. И проиграл. Ты понимаешь, что это значит?

ГЛАВА 1

Я стояла на берегу озера с бокалом шампанского в руке. Летний ветерок ласково овеивал мои плечи. Издалека доносилась классическая музыка в исполнении камерного оркестра – нанятые специально по случаю приема музыканты только что закончили настраивать свои инструменты и наконец-то заиграли в полную силу. Музыка неслась над озером, и в его стекляннo-черной глади отражались элегантные силуэты гостей в вечерних туалетах и огоньки развешанной на деревьях иллюминации. Цветущий жасмин наполнял воздух навязчивым ароматом и делал происходящее совсем уж приторно-сладким, доводя картину идеального приема до абсурда.

Я поправила сползающую с плеча сумочку и подавила нестерпимое желание почесаться. Вечернее платье было взято напрокат. Оно болталось на бедрах, зато немилосердно жало в груди. Вдобавок ярко-синяя ткань, так хорошо подходящая к моим темным волосам, совершенно не пропускала воздух. Так что выглядела я как на редкость привлекательная стройная брюнетка ростом метр восемьдесят – хоть сейчас на подиум, – а вот чувствовала себя совершенно как сосиска в целлофане.

Снова поправила сумочку – крохотный аксессуар весил как хороший рюкзак. Судите сами – там помещались баллончик с нервно-паралитическим газом, замаскированный под щетку для волос, тюбик помады, необходимый для имитации пожара, тонкие, но необычайно прочные наручники, крохотный, зато мощный электрошокер под видом упаковки гигиенических тампонов, пудреница-передатчик и пятьдесят метров мономолекулярной нити под видом нитей для чистки зубов. Еще там находилась тушь для ресниц, способная на единственный выстрел, но я же не собираюсь устраивать здесь пальбу в духе Джона Диллинджера, верно? Так что весила моя сумочка прилично и уже успела порядком натереть мое голое плечо.

Подавив желание почесаться, я очаровательно улыбнулась своему спутнику. Звали его Иван Хрусталефф – именно так, через два «ф». Он был потомком русских эмигрантов – после Октябрьского переворота его прадед – офицер белой армии – вместе с молодой женой успел на тот самый «последний пароход в Константинополь». Иван был американцем в четвертом поколении и по-русски не знал ни единого слова. Кроме того, двадцативосьмилетний калифорниец ждал от страны предков самого худшего. Честно говоря, я так и не смогла понять, зачем Ивана понесло в Россию, если он на полном серьезе спрашивал меня, бронжилет какой модели ему лучше приобрести, чтобы спокойно передвигаться по городу. Причем речь шла не о каких-то «горячих точках», а о нашем мирном провинциальном Тарасове.

Иван был уверен, что коррупция, организованная преступность и тому подобные явления будут поджидать его прямо у трапа самолета. Именно потому он и нанял меня – телохранителя высокого класса. Но столкнулся Ваня с нашими традиционно российскими проблемами – дураками, дорогами и чрезмерным гостеприимством.

Вот, например, прием, где мы сейчас находимся. Хозяйка дома – Елизавета Киприанова, красивая дама тридцати пяти лет – немедленно пригласила Ивана к себе, как только узнала, что у него нет в Тарасове знакомых. Видите ли, бедному американцу будет слишком одиноко проводить уикенд без хорошей компании! Несчастный иностранец отбивался как лев – он утверждал, что стесняется находиться в обществе незнакомых людей, говорил, что не хочет затруднять хозяйку... Но все было напрасно. Елизавета Киприанова названивала американцу до тех пор, пока не выжала из него дрожащее «да». Результатом этого и было взятое напрокат платье, абсолютно не пропускающее кислород.

А теперь поставьте себя на мое место. Я – телохранитель. Должна обеспечивать безопасность клиента. Это было совсем нетрудно в лучшей гостинице нашего города, под кондицио-

нером, поскольку Иван все свое время проводил за компьютером. Не знаю, зачем для этого лететь в Россию – пялиться в монитор можно было и не покидая родины.

А вот теперь мы находимся в добрых тридцати километрах от города, где-то в сельской местности. Пейзажи здесь красивые, не спорю, но я не люблю работать в незнакомых местах. А таким местом является не только участок, но и дом – в нем три этажа и штук пятьдесят комнат! Хотя живет здесь только Елизавета вдвоем с сыном.

Незнакомая местность, где, случись что, не найти путей отхода, – это не самая большая из моих проблем. Проблема номер один – это толпа абсолютно незнакомых людей. Причем каждый жаждет пообщаться с моим клиентом. От такого у любого телохранителя съедет крыша! Как я могу обеспечить безопасность объекта, если со всех сторон к нему тянутся дружеские руки и какие-то люди на превосходном английском восклицают: «О, расскажите нам историю вашей семьи! Это так романтично!»

Ванечка напрочь забыл о своих предубеждениях – ему больше не мерещатся под каждым кустом нанятые мафией киллеры, нет! Теперь он уверен, что русские – самый дружелюбный на свете народ, и уже, кажется, договаривается с новым знакомым в следующую пятницу ехать на рыбалку – ведь в Ивантеевке такие, нет, во-о-т такие караси!

Проблема номер два заключалась в том, что рассеянный Хрусталефф представил меня гостям как свою переводчицу. Видите ли, узнав, что заграничного гостя сопровождает на приеме охрана, хозяйка могла и обидеться! Но все присутствующие были однокурсниками хозяйки дома Елизаветы Киприановой, которая окончила романо-германское отделение филологического факультета нашего Тарасовского университета. Само собой, все они говорили на английском лишь немногим хуже, чем на русском, и фигура переводчицы в этих обстоятельствах выглядела несколько комичной.

Вообще-то в нормальных условиях это неплохое прикрытие для телохранителя. Иностранец, ни слова не понимающий по-русски, естественно, нуждается в непрерывном присутствии переводчика. Но не на приеме же, где каждый владеет английским! Так что я старалась держаться поближе к охраняемому объекту и все время ловила на себе странные взгляды. Кажется, Ванина маскировка не сработала – конечно, никто не распознал во мне телохранителя, зато меня явно принимали за дорогую даму эскорта...

Прием, честно говоря, был организован великолепно – звучала музыка, сновали вышколенные официанты, украшенный золотыми фонариками сад дышал вечерней прохладой. Я получила бы от происходящего массу положительных впечатлений... не будь я на работе. А так я даже не могла позволить себе восхитительное шампанское – мой любимый брют дразнил обоняние, когда я делала вид, что пью из своего фужера.

Я стояла за плечом Ивана, который был ниже меня ровно на целую голову, и в режиме быстрого сканирования осматривала всех, кто приближался к иностранцу ближе чем на метр. Конечно, я не верила всерьез, что на этом приеме моему подопечному угрожает хоть какая-то опасность – иначе я и близко не подпустила бы его к этому дому. Просто я выполняла привычную работу, что называется, на автопилоте.

Я работаю телохранителем не первый год. Честно говоря, когда я несколько лет назад впервые оказалась в провинциальном Тарасове, то действительно зарабатывала на жизнь уроками английского. Но одна история заставила меня вспомнить о других предметах, которые я изучала в своем элитном учебном заведении.

Дело в том, что я окончила Ворошиловку – институт, носивший имя маршала, был создан еще в советские времена специально для дочерей высшего командного состава и партийной элиты. Девочки получали профессию переводчика и отправлялись референтами в посольства советской империи. Помимо навыков толмача, новоиспеченные дипломаты владели кое-какими специальными знаниями. Обнаружить или установить подслушивающую аппаратуру? Легко! Дешифровка и криптография? Раз плюнуть! Ну и так далее.

Вдобавок ко всему этому на третьем курсе я получила предложение пройти дополнительное обучение по специальной программе. Два года жестких тренировок превратили меня и моих подруг в специалистов широкого профиля. Не хочу долго распространяться на эту тему. Скажу только, что у меня был высший балл по подрывному делу и навыкам рукопашного боя, а вот с глубоководными погружениями дело обстояло не так блестяще – на большой глубине у меня начинала идти носом кровь, так что я получила всего лишь четверку и всю ночь после экзамена горевала.

Спецотряд «Сигма», где я прослужила следующие несколько лет, излечил меня от излишних переживаний. Я побывала в «горячих точках», на моем счету было несколько успешно проведенных операций и множество спасенных жизней. Я гордилась своей работой и тем, что служу своей стране.

А потом все кончилось. Я стала замечать, что нашим элитным отрядом порой просто-напросто затыкают дыры в обороне, а звездочки на погоны получают те самые люди, по чьей вине образовался прорыв, который нам же и пришлось прикрывать. Я обнаружила, что привычка не раздумывая выполнять приказы приводит к тому, что по утрам после рейда мне стыдно смотреть в глаза своему отражению в зеркале. Однажды нас отправили в совсем уж гиблое место – причем никакой особой необходимости в этом не было. Просто глупость и некомпетентность одного генерала была оплачена слишком высокой ценой. Мы потеряли почти половину отряда. Люди, обученные выживать в экстремальных условиях, были отправлены на убой, как стадо овец. Эта операция стала последней каплей. Я поняла, что нахожусь на критической точке – попросту скоро сломаюсь. Подсяду на наркотики, потому что даже тренированная психика не может долго выдерживать такое напряжение, или возьму автомат и поверну его против своих. А всего вернее – пушу себе пулю в лоб из табельного оружия.

И я покинула отряд. Я не могу сказать, что ни о чем не жалею – порой мне снятся старые успешные рейды и лица друзей. Не могу утверждать, что не считаю себя дезертиром – другие ведь остались, смогли как-то жить с этим и не сломаться... Но если бы я вновь оказалась в ситуации выбора – я поступила бы точно так же.

Так что я приехала в провинциальный Тарасов, где проживала моя тетушка Мила, сестра отца, и поселилась у нее. Мила была одинока, и с моим приездом ей стало веселее. Честно скажу, иногда хочется, чтобы этакого веселья на долю моей пожилой тети выпадало поменьше... Вот только месяц назад нам пришлось заменить дверь – поставили бронированную, потому что под предыдущую мне подложили плюшевого мишку, нашпигованного тротилом.

В общем, я вот уже несколько лет выполняю обязанности телохранителя. Довольно часто меня нанимают состоятельные люди для того, чтобы я охраняла их юных дочерей, верных жен и ветреных подруг. Еще бы, если человек, обладающий не только капиталом, но и солидным пузом к лысине вдобавок, нанимает для своей симпатичной блондинки двухметрового амбала с рельефной мускулатурой, как он после этого может спать спокойно? И тут появляюсь я, Евгения Охотникова, со скромной улыбкой и отличной репутацией. И это ничего, что мои услуги стоят ровно в два раза дороже, чем услуги амбала. Зато состоятельный господин избавлен от ревности, а это дорогого стоит! Несколько раз меня нанимали охранять геев – в основном смазливых мальчиков, чьи щедрые «папики» не могли доверять своим юным протеже. Кстати, правильно делали – в половине случаев мальчишки пытались склонить меня к интиму...

Иван Хрусталефф обратился ко мне по рекомендации знакомых – я нахожу так работу в девяти случаях из десяти. Симпатичная пара приезжала в Тарасов год назад для того, чтобы усыновить ребенка. Но младенца пытались похитить, и американцы – Роберт и Джой – наняли меня. История получилась необычайно запутанная, с погонями и стрельбой. Американцы остались довольны моим профессионализмом, и когда Хрусталефф собрался посетить родину предков, порекомендовали ему меня. Я встретила Ивана в Москве в аэропорту и привезла

в Тарасов. Работа показалась мне несложной, да, собственно, и была такой поначалу – Иван не нарывался на приключения, мирно гулял по туристическим маршрутам, дважды посетил кладбище. Он искал могилу своего предка – купца Ферापонта Хрусталева, разбогатевшего на торговле солью. Могилу мы так и не нашли, зато Ивану доставляло большое удовольствие, когда я показывала на то или иное здание в историческом центре Тарасова и говорила, что оно принадлежало его предку. Ивана это забавляло – спасибо и на том, что он не заикался, чтобы ему вернули собственность семьи. Несмотря на простодушный взгляд голубых глаз и мальчишескую улыбку, Иван был человеком вполне прагматичным, и никакой чудаковатости в нем не было и в помине. Молодой человек работал программистом и явно неплохо зарабатывал.

Симпатичный иностранец пользовался бешеным успехом у дам – с самого начала приема моего подопечного окружала стайка щебечущих красавиц. Причем это были не какие-нибудь легкомысленные «колибри» двадцати лет с хищным блеском в очаровательных глазах – нет, подруги Елизаветы Киприановой как на подбор принадлежали к одному типу. Возраст – слегка за тридцать, внешность доведена до возможного совершенства, но, упаси боже, никакого силикона, чувство юмора и высокий интеллект прилагаются. В целом эти дамы были мне симпатичны, если бы у меня были подруги, то они принадлежали бы именно к такому типу женщин. Но подруг у меня нет, а красавицы проявляли неумеренное внимание к моему клиенту, так что я с трудом подавляла раздражение. «Терпи, Охотникова! – уговаривала я себя. – Это всего лишь работа. Скоро мероприятие закончится, вы с Ванечкой сядете в твой «Фольксваген» и отправитесь в гостиницу, а утром Хрусталефф вернется к прежнему образу жизни – компьютер да прогулки по исторической части Тарасова в поисках собственности купца Ферапонта. А дамы так вьются вокруг Вани потому, что им редко выпадает возможность пообщаться с носителем языка, вот и все!»

Сейчас вниманием Ивана завладела сама хозяйка. Елизавета подхватила иностранца под руку и повлекла куда-то в сторону грота на берегу. Ничего себе! Не могу же я следовать за охраняемым объектом в тот момент, когда он намерен уединиться с дамой! Вернее, дама намерена уединиться с ним. Интересно, о чем таком важном Киприанова собирается беседовать с Ваней, если познакомилась с ним всего лишь два дня назад?..

Я наблюдала, как Елизавета – высокая женщина в темно-зеленом платье с открытой спиной – склоняется к Ивану и что-то шепчет ему на ухо. Я неплохо читаю по губам, но Киприанова стояла ко мне спиной, так что я понятия не имела, о чем они говорят. Зато мне были прекрасно видны бриллианты в ушах хозяйки дома – каштановые волосы Елизаветы были собраны в высокую прическу, – а также изумрудное кольцо на стройной шее. Вот интересно, неужели переводчики в наши дни так хорошо зарабатывают? Этот загородный дом с садом стоит, должно быть, целое состояние. Да и прием такого класса, вероятно, влетел в копеечку. Около сотни гостей! Оркестр, все эти повара и официанты... Может, я зря сменила профессию?!

– Почему такая красивая и милая девушка грустит одна? – послышался у меня за спиной мужской голос. В высшей степени мужской! Голос этот был роскошный и глубокий, он напоминал одновременно о темном бархате и о шоколаде, интонации тщательно выверены, и звучал он с этакой барственной ленцой – его обладатель явно знал о его чарующих свойствах и умело пользовался своим оружием в вечной битве полов.

Я обернулась, ожидая увидеть тенора местного оперного театра или на худой конец драматического актера, привычного к амплу героев-любовников. Взгляд мой переместился ниже. Потом еще ниже... И только там встретил широкую белозубую улыбку низенького толстяка в черном костюме. Обладатель роскошного голоса удивительно походил на пингвина в своей белоснежной рубашке и жилете под распахнутым пиджаком. И еще он напоминал Пласидо Доминго, на которого сел слон. Та же борода и бездна мужского обаяния, только все это сжато по вертикали.

– Ну что вы, я вовсе не скучаю, – автоматически ответила я, продолжая наблюдать за Елизаветой и своим подопечным.

– Не правда ли, прием удался? – не отставал Пингвин.

– О да, все очень мило.

– Елизавете Абрамовне не дашь тридцати пяти лет! Выглядит как юная девушка. А ведь она мать почти взрослого сына!

Я с удивлением уставилась на собеседника. Кто он такой, скажите на милость?! С чего это он так фамильярно говорит о Киприановой? Таких слов можно было бы ожидать от женщины, но в устах мужчины обсуждение внешности и возраста хозяйки звучит несколько странно.

– Да что вы говорите? – Я оглядела гостей. – И кто же из этих молодых людей сын Елизаветы?

Пингвин немного смутился. Он как-то воровато оглянулся, но вокруг никого не было, и сплетник осмелел. Он заговорщически улыбнулся и поманил меня толстым пальцем. Я слегка наклонилась, и Пингвин проговорил, интимно улыбаясь:

– Госпожа Киприанова никогда не показывает сына гостям!

Глаза мужчины горели – он явно принадлежал к породе вдохновенных сплетников. Но меня не интересовали семейные тайны хозяйки дома.

Неожиданно раздался громкий треск, и небо над озером окрасилось во все цвета радуги. Гости встретили фейерверк восторженными криками и аплодисментами. Так, мне пора...

– О, простите, меня ждут!

Я уже собралась уходить, как вдруг услышала:

– Надо же, а вы действительно переводчица!

Я обернулась, не веря своим ушам.

– Что?!

– Да мы тут с ребятами поспорили, и я выиграл! – как ни в чем не бывало улыбнулся Пингвин.

Только тут я осознала, что беседу мы вели на английском. Я так пристально наблюдала за Елизаветой и Иваном, что не заметила перехода. Ну и жук этот толстяк! Он даже не понимает, как оскорбительно звучат его слова. Значит, меня действительно приняли за даму эскорта?!

– Рада за вас, – как могла вежливо ответила я и быстрым шагом направилась в сторону грота. Пингвин отвлек меня, и я выпустила из поля зрения своего клиента. И вот, пожалуйста – Ванечка куда-то делся! По крайней мере, среди гостей я его не вижу.

Придется наведаться в грот, даже если я буду вынуждена нарушить чью-либо приватность. Во-первых, безопасность клиента для меня важнее всего, и профессия телохранителя частенько вынуждает нарушать условности. А во-вторых, прием на сотню человек – абсолютно неподходящее место для уединения, так что нечего и жаловаться...

Решительным шагом я приблизилась к гроту, для приличия громко окликнула Ивана и заглянула в прохладную темноту. Но меня ожидал сюрприз – грот был совершенно пуст, только на каменной скамье лежала крохотная дамская сумочка.

Так, где же мой проказник? Сначала Хрусталефф боялся шаг ступить без охраны, а теперь осмелел настолько, что отправился исследовать окрестности с прелестной дамой, да еще прячется от своего телохранителя, как первоклашка от строгой учительницы! Ведь договорились же – от меня ни на шаг! Все время в поле зрения! И никакой самодеятельности. А что теперь? Вместо того чтобы в полной безопасности под моим присмотром потягивать шампанское, Ваня отправляется на поиски приключений!

Ну и где же мне его искать? Сад, окрестности пруда, огромный особняк, лес неподалеку – и все это в темноте, в совершенно незнакомой местности... Оставалась надежда, что иностранец просто-напросто пустился на поиски уборной – после такого количества шампанского ничего удивительного. Это означало, что искать Ивана следует в доме.

Я не страдаю топографическим кретинизмом – наоборот, стоит мне однажды побывать в каком-либо месте, и я уже никогда не забуду расположение дорожек, входов-выходов и путей отхода. Но тут мне пришлось дважды останавливаться и сверяться со своим внутренним компасом – настолько огромен был роскошный запущенный сад. Наконец я вышла к дому. Шум праздника почти не доносился сюда, и ничто не нарушало тишину летнего вечера.

Особняк семейства Киприановых производил внушительное впечатление. Три этажа, большие окна, тяжелые дубовые двери, кованые перила балконов, черепица на крыше наводят на мысли о старой Европе – Чехии, возможно. Единственное, что показалось мне странным, – этот дом не был новым. В последние два десятилетия вокруг Тарасова возникали целые городки, сплошь состоящие из кирпичных дворцов с башенками. Причем ближайшие соседи соревновались друг с другом в высоте этих самых башенок – каждый, кто строил свой маленький дворец позже соседа, старался превзойти его как количеством, так и высотой. Как тут не вспомнить Зигмунда Фрейда с его сигарой...

Но дом Киприановых был выстроен много лет назад и ничуть не походил на безумные поделки девяностых. Нет, это было настоящее фамильное поместье – великолепно спроектированное, удобное, с огромным участком земли, где помещались озеро, сад и даже кусочек хвойного леса. Кто же мог позволить себе такое в советские времена?!

Я обошла дом кругом. Позади особняка, за кустами садовых роз, стоял кованый фонарь – точная копия какого-нибудь изделия мастеров старой Вены. Под фонарем на чугунной скамейке сидел мальчик и громко разговаривал сам с собой.

Я подошла ближе. Мальчику было на вид лет четырнадцать – впрочем, я плохо разбираюсь в детях. Белая кожа и каштановые кудри, поразительно правильные черты лица – и удивительное сходство с хозяйкой приема. Очевидно, это и был сын Елизаветы Киприановой, о котором мне говорил Пингвин. Мальчик выкрикивал в темноту сада совершенно непонятные слова.

– Привет! – сказала я. – Послушай, ты не видел тут молодого человека? Он невысокий, в сером костюме. Не проходил здесь такой?

Мальчик никак не отреагировал на мои слова. Даже головы не повернул.

Подойдя еще ближе, я поняла, что в руках у парнишки плеер – старомодное изделие из черной пластмассы, а к ушам тянутся проводки наушников. Странно, это в наш-то век высоких технологий, когда детишки приучаются пользоваться гаджетами раньше, чем горшком?

Я обошла скамейку и остановилась на освещенном пяточке прямо перед мальчиком. Сын Киприановой смотрел на меня в упор, но даже не вытащил наушники. И не прекратил своего занятия – выкрикивать в темноту загадочный текст.

– Хомо хомини люпус эст. Пара пакс – пара беллум. Квод ликет йови – нон ликет бови.

Ого, да это же латынь! Крылатые выражения, если мне память не изменяет. Парнишка просто учит язык. Когда-то, давным-давно, еще школьницей, живя во Владивостоке, я вот так же бродила по улицам с плеером, пытаюсь самостоятельно выучить итальянский. Я посмотрела тогда фильм Франко Дзеффирелли «Ромео и Джульетта» на итальянском языке без дубляжа, зато с субтитрами. Мне было лет тринадцать, история любви двух чокнутых подростков заставила меня рыдать ночь напролет, а красота мелодичного языка заморозила совершенно. С заплаканными глазами я кинулась к отцу и умоляла достать мне кассету для того, чтобы самостоятельно учить язык. Папа был генерал, он задействовал свои связи, и вскоре мне привезли самоучитель и кассету. Полгода я засыпала и просыпалась с итальянскими глаголами на устах. Итальянский я все-таки выучила, после чего обнаружила, что мне совершенно некуда его применить. Если поболтать с кем-либо по-английски еще можно – в конце концов, Владик – портовый город, то итальянский – это уж слишком. Итальянские корабли не заходят в порт Владивосток, знаете ли. И моя мечта посмотреть кино на языке оригинала оказалась довольно дурацкой идеей. Из всего великого итальянского кино в нашей стране тогда показывали коме-

дии с волосатым, точно обезьяна, Адриано Челентано, которые вовсе не казались мне смешными, да криминальные фильмы про мафию, поражавшие запредельной жестокостью по сравнению с отечественным кино о милиции. Я посмотрела пару фильмов Федерико Феллини, но это было вовсе не то, чего жаждала моя романтическая девичья душа. Так что я забросила язык и больше никогда не возвращалась к его изучению. Иногда я смотрю фильмы без дубляжа, и моих знаний вполне достаточно. Так значит, сын Киприановой изучает латынь. Странно, конечно, но кто их поймет, этих подростков. Может, он собирается стать врачом!

– Эй, привет, ты меня слышишь? – Я слегка помахала ладонью перед лицом парнишки.

Мальчик моргнул, затем вытащил наушники. Я услышала женский голос, наговаривающий текст.

– Убирайтесь! – выкрикнул мальчик прямо мне в лицо. Красивые черты Киприанова исказились, в голосе звучало столько злобы, точно я была заклятым врагом и причинила его семье много горя. Я невольно сделала шаг назад.

– Прости, я не хотела тебя пугать. Я ищу одного знакомого, вот и все.

Но мальчик уже меня не слушал. Наушники вернулись на место, остекленевшие глаза смотрели сквозь меня, губы шевелились, повторяя слова.

Станный ребенок, мягко говоря. Впрочем, это не мое дело.

Я направилась к дому, нашла парадную дверь и потянула на себя. Прохладный холл встретил меня гулкой пустотой. Здесь не было ни единой живой души – и гости, и все эти услужливые официанты остались там, у озера. Я начала медленно подниматься по лестнице. Дубовые перила плавно выгибались под моей рукой, лестница совершила изящный поворот и привела меня на второй этаж.

Тут весьма кстати обнаружилось, как выражается моя тетя, «удобства». На двери дамской комнаты была табличка «ледис», мужской – «джентльменс». Естественно, когда устраиваешь прием на сто человек, приходится развесить везде указатели. Я посетила комнату для «леди» и задумалась. Набрала номер мобильного Ивана, но тот не отвечал. Не хотелось бы смущать гостей Елизаветы Киприановой, но, похоже, придется.

Я постучала в дверь с надписью «джентльменс», но ответом мне была тишина. Тогда я толкнула дверь и вошла. Что ж, стоит признать, что, несмотря на старинный лоск и аристократический вид, особняк Киприановых был вполне современным с точки зрения удобства. Во всяком случае, сантехника тут была новая и дорогая.

Я поспешно покинула комнату для джентльменов. Не хватало еще объясняться, зачем это переводчицу понесло в такое странное место... Но где же все-таки Иван? Единственное разумное объяснение не подтвердилось. Может быть, Хрусталефф осматривает особняк в компании хозяйки?

Я медленно двинулась по коридору, легонько касаясь дверей. Если комната была заперта, я шла дальше, если дверь поддавалась, я заглядывала в комнату. Когда устраиваешь прием, большинство дверей придется закрыть, чтобы избежать неудобных ситуаций. Вот и здесь открытыми оставались только те комнаты, которые хозяйка приготовила для гостей – в некоторых стояли кресла и диваны, пепельницы на столиках, в других, предназначенных для дам, туалетные столики и зеркала.

На втором этаже не было ни единого человека. Я поднялась на третий. Здесь не было предназначенных для гостей комнат – очевидно, на третьем этаже располагались покои хозяйки и членов семьи. Мои туфли бесшумно ступали по ковру. Стены были отделаны вишневыми панелями, старинные плафоны люстр совершенно не подходили для коридора – они могли бы украсить любой парадный зал. Кто-то в этом доме очень ценил комфорт и красивые вещи, знал в этом толк и был готов потратить немалые деньги на оформление особняка... Мое внимание привлекла дверь в конце коридора. Она была полуоткрыта, и полутьму прорезала полоска лимонно-желтого света. Латунная ручка призывно блестела.

Я прислушалась, но все было тихо. Ни голосов, ни шороха одежды. Скорее всего, комната пуста – люди ведь всегда производят какой-то шум. Я легонько постучала и, поскольку никто не отозвался, толкнула дверь.

Сидящий за столом человек поднял взгляд и жестом пригласил меня войти. В комнате он был один – старик в бархатном винно-красном халате и черном берете на белоснежных волосах. Горбоносый хищный профиль, пронизательный взгляд маленьких черных глаз. Он напоминал постаревшего Фауста, тем более что перед ним на столе лежала горстка монет, стояла шахматная доска, песочные часы и самый настоящий череп.

– Входите, прелестная незнакомка, – насмешливо произнес старик, вполне молодо посверкивая глазами. – Насколько я понимаю, вы – гость на этом пресловутом приеме по случаю тридцатипятилетия моей дочери?

Возможно, витиеватая речь и была игрой и чистой воды притворством, но вот то, насколько легко он произнес «тридцатипятилетие», несомненно выдавало в старике человека не только образованного, но и привыкшего говорить на публике.

– Простите, если я вас потревожила, – осторожно проговорила я. В самом деле, пожилому человеку может не понравиться, что я так свободно разгуливаю по его дому.

– Вы ничуть мне не помешали! – вскинул подбородок старик. – Не такая уж я развалина, чтобы присутствие красивой женщины могло мне помешать.

Я пристально разглядывала шахматную доску, а старик так же внимательно изучал меня.

– Что привело вас сюда? Ни за что не поверю, что вы пришли навестить старика и разыграть с ним пару-тройку этюдов!

Я поймала себя на мысли, что лицо старика кажется мне смутно знакомым. У меня отличная память на лица, да еще и тренированная по специальной методике. В свое время я и мои товарищи по обучению часами изучали совершенно незнакомые лица, причем кадры сменялись с интервалом в одну секунду, после чего необходимо было нажать на кнопку, если какое-то лицо промелькнуло повторно. Я всегда набирала самые высокие баллы, но сейчас почему-то не могла вспомнить, где же я видела старика в черном берете. Такой характерный профиль не забудешь... Но как странно он одет – точно актер, играющий древнего вампира в сериале! Этот халат, шлепанцы, отделанные лисьим мехом, берет... Интересно, для чего ему череп?

Ответ на этот вопрос я получила немедленно. Старик приподнял крышку. Изнутри череп был выслан синим бархатом, а на нем покоился мобильный телефон – очень дорогая и навороченная модель. Старик потыкал в сенсорный экран длинным пальцем и произнес:

– Иржи, дружок, у меня гостя. Принеси нам шампанского.

– Благодарю вас, не нужно! – Я невольно перешла на витиеватую манеру речи, свойственную хозяину комнаты. – Я ищу одного человека...

– Не волнуйтесь, милая гостя, я не задержу вас надолго, – печально проговорил старик. – Я так редко принимаю гостей! Вчера здесь побывал один молодой человек и преподнес мне небольшой презент, а сегодня вы порадовали старика... Скоро вы отправитесь разыскивать вашего друга, но пока... ведь вы не будете жестоки и не откажетесь выпить со мной по фужеру «Вдовы Клико»?

Мне ничего не оставалось, как ответить согласием. Я присела за стол. Шахматная доска оказалась прямо перед моим носом. Однако! Я не притрагивалась к шахматам со времен отрочества (все-таки манера речи тоже может быть заразной), последний раз я сидела над шахматной доской лет в двенадцать – тогда я ходила в шахматный клуб при Дворце детского творчества и мечтала о первом взрослом разряде. Но если я хоть что-то понимаю в этой древней и прекрасной игре, сидящий передо мной человек из тех, о ком пишут монографии...

– Интересуетесь? – вскинул бровь старик.

Вот по этой характерной брови я его и узнала.

– Вспомнила! – воскликнула я. – Вы Иннокентий Петрович Киприанов! Я видела вашу фотографию в журнале «Шахматы» много лет назад! До чего же мне нравились ваши этюды!

Бледные щеки старика порозовели от удовольствия. Как и любой виртуоз, гроссмейстер Киприанов нуждался в публике, которая могла бы оценить его гениальность. Старик явно давно уже был лишен внимания почитателей, и мое искреннее восхищение было ему действительно приятно.

– Не думал, что такие очаровательные женщины интересуются шахматами! – улыбнулся старик. – И тем более, что помнят мои этюды. Польщен, весьма... Иржи, ну где же вы?! Шампанского!

На пороге возник рыжеватый молодой человек в смокинге. Поднос с шампанским Иржи держал с профессиональной ловкостью. Бутылка, что покоилась в ведерке с крошками сверкающего льда, явно была настоящей «Вдовой», без обмана. Иржи откупорил ее и разлил по фужерам, после чего исполнил легкий поклон и удалился.

– Это ваш... дворецкий? – поинтересовалась я.

Старик расхохотался.

– Иржи – мой помощник. Дворецкий, секретарь, камердинер, лакей – я не отказался бы от такого штата слуг, но в наше время это невозможно. Иржи заменяет мне всех. Очень толковый молодой человек. Ну что же, давайте выпьем. За шахматы, игру королей!

Мы легонько соприкоснулись бокалами. Я пригубила шампанское. Оно оказалось идеально охлажденным – как раз такое, как надо. Да, Иржи явно знал свое дело.

Ну вот, теперь ясен источник богатства семейства Киприановых. В свое время гроссмейстер был невероятно знаменит, разъезжал по миру и представлял русскую школу шахматной игры.

Большие напольные часы пробили двенадцать раз. Так, надо поскорее свернуть разговор, вежливо откланяться и продолжить поиски Ивана. Мне очень симпатичен этот старик, и в другое время я с удовольствием побеседовала бы с ним... Но где-то там бродит мой охраняемый объект, а Женя Охотникова сидит в кресле и потягивает шампанское! Нормальные телохранители так себя не ведут...

– Сыграем? – Старик приглашающим жестом указал на доску.

– Ну что вы! – смутилась я. – Для вас я не противник. Так, кружок во Дворце пионеров много лет назад... Скажите, а что это за монеты?

Гроссмейстер оживился. Бледная рука в старческих пятнах любовно погладила стертые монетки. Некоторые блестели, но большинство потемнели от времени и патины, и старик полировал их суконкой.

– О, это моя коллекция! Я уже много лет не выезжаю из страны. Эта коллекция – единственное, что связывает меня с миром, признаюсь. Я веду обширную переписку, и у меня множество соперников в охоте за редкими экземплярами. Я покупаю, продаю, меняюсь. Мне присылают монеты со всего света. Вот эту подняли с «Титаника», у нее даже есть сертификат...

– Наверное, ваш внук разделяет ваши увлечения! – улыбнулась я. – Это же безумно интересно!

Гроссмейстер переменился в лице. Краска сбежала с его щек, ставших восковыми.

– Безумно... да, безумно интересно. Но, боюсь, мой внук нисколько не интересуется монетами. Простите меня, я очень устал. Иржи!

На пороге мгновенно возник слуга и вопросительно уставился на хозяина.

– Проводите гостью, Иржи. Помогите ей найти выход.

В голосе Киприанова больше не было любезности. Исчезли из него и игривые нотки, погас молодой блеск в глазах. Сейчас передо мной сидел старик, согнутый грузом лет. Я вспомнила, что гроссмейстеру сейчас должно быть лет семьдесят или даже больше. Но еще пять

минут назад он не казался такой развалиной! В чем тут секрет? Неужели Киприанова настолько расстроило мое упоминание о внуке?!

Иржи вежливо указал мне на дверь. Я поднялась, чувствуя себя растерянной и виноватой.

– Иннокентий Петрович, если я чем-то расстроила вас, я прошу меня извинить...

Гроссмейстер немного смягчился. Он провел рукой по лбу и улыбнулся мне бледными губами.

– Ступайте, милая незнакомка. Вы ни в чем не виноваты. Все зло в этом мире случайно, хотя порой оно и принимает облик прекрасной женщины... Прощайте. Разыгрывайте иногда мои этюды и вспоминайте Киприанова.

Я вышла из комнаты с ощущением, что старик недолго задержится на этом свете. Словно темная тень стояла за спиной этого человека. Но, возможно, дело было просто в черепе на столе...

Я спустилась на второй этаж и нос к носу столкнулась с Иваном.

Хрусталефф удивленно уставился на меня.

– А я вас всюду искал! – пожаловался иностранец с интонацией обиженного ребенка.

– А я – вас! – отрезала я, прекращая дальнейшее выяснение отношений. А то получится попросту смешно – Ваня примется доказывать, что никуда не исчезал, а всего на минутку заглянул в уборную. Хотя я прекрасно знаю, что совсем недавно его там не было. Честно говоря, мне все равно. Меня совершенно не интересует, как Хрусталефф провел те полчаса, что я его искала, – обнимался в кустах с прекрасной дамой или играл Брамса в четыре руки – главное, что мой клиент жив и здоров. Мне осталось охранять его покой примерно двенадцать часов. Потом я посажу Ивана в самолет Тарасов – Москва и забуду о его существовании. Забуду, да. Но сделаю для себя кое-какие выводы. Во-первых, с этого дня никаких загородных приемов. А во-вторых, никаких переводчиц – отныне я сама буду объяснять, кто я такая...

Мы вышли из дома и остановились на мраморных ступенях крыльца. Я собиралась быстренько попрощаться с хозяйкой и увезти Ивана в гостиницу. До города, между прочим, еще довольно долго добираться, да еще и в темноте. Ничего, домчим с ветерком, только дайте попрощаться... В самом крайнем случае исчезнем, что называется, по-английски. А позвонить и извиниться можно и завтра.

Но уехать не получилось. Я обнаружила, что площадка перед особняком полна гостей – все общество переместилось сюда. Гости стояли кучками и словно чего-то ждали.

Но вот на площадке появилась сама виновница торжества – Елизавета Киприанова. Сейчас хозяйка дома была обворожительна как никогда – лицо ее покраснело от радости и удовольствия, под золотистым светом фонарей каштановые волосы выглядели как корона византийской императрицы, изумруды мерцали на высокой шее.

– Я благодарна вам всем, – заговорила Киприанова, и беседа немедленно стихла. Акустика здесь оказалась превосходная. Каждое слово разносилось над площадкой так, словно было сказано в микрофон. – Спасибо, что пришли на мой день рождения, спасибо, что не забыли меня. Многих из вас я знаю еще со студенческих времен... Помните картошку в общепитии?

По толпе элегантных гостей пробежали смешки – очевидно, с этой самой картошкой была связана какая-то забавная история. А Елизавета продолжала:

– И за эти годы я успела убедиться, какие вы все верные и преданные друзья.

На этот раз смешков не последовало. Кто-то из гостей начал перешептываться, но большинство стояло совершенно неподвижно. Понятия не имею, было это сказано серьезно или с ядовитым подтекстом – меня совершенно не касалось происходящее в этом доме. Позвольте мне только увезти отсюда клиента – а там выясняйте отношения сколько вздумается.

– Многие из вас помнят и Георгия. Он не смог приехать на мой день рождения, но звонил и передавал вам всем привет. Триста двадцать первая группа, привет вам!

Стоящие плотной толпой слева от площадки разразились аплодисментами.

– В моей жизни бывали времена, когда мне казалось, будто я больше никогда не буду смеяться, – адресуя свой монолог шампанскому в бокале, проговорила Елизавета.

На площадке стояла мертвая тишина. Кажется, гости чувствовали себя исключительно неловко. Не знаю уж, в чем они так провинились перед Елизаветой, раз она устраивает такие спектакли. На первый взгляд Киприанова не производит впечатления женщины, склонной к дешевым театральным эффектам. Ох, боюсь, что и сам прием Елизавета затеяла только ради этой вот драматической сцены...

Прямо под своим локтем я почувствовала чье-то азартное сопение. Я глянула вниз и увидела Пингвина – того человечка, что так любил посплетничать. Вот и сейчас он вытянул шею, предвкушая что-то интересное. Если бы он был собакой, с его языка сейчас капала бы слюна.

Киприанова обвела взглядом напряженную толпу, легко рассмеялась и отсалютовала бокалом:

– Но сейчас эти времена остались далеко в прошлом! Несмотря ни на что, я жива и здорова, чего и вам желаю! Недавно у меня вышла новая книга, а вскоре ожидается следующая. Всех приглашаю на презентацию! Безумно рада вас всех видеть! И еще раз спасибо, что пришли!

Я прямо-таки физически ощутила, как спало напряжение. Гости заговорили наперебой, засмеялись, принялись по одному подходить к имениннице, поздравлять ее и прощаться. Уф, наконец-то все позади! Теперь Ванечку под мышку – и домой!

В этот самый момент раздался выстрел.

ГЛАВА 2

Гости замерли на местах – кто-то остановился с поднятой ногой, кто-то не донес бокала до рта, у кого-то застыла, как примерзшая, неуместная улыбка. Казалось, сто взрослых людей играют в мою любимую игру «замри-отомри». Все это выглядело бы исключительно смешно... если бы не было так серьезно.

Вообще-то в таких случаях всегда происходит одно и то же. Вначале ступор. Люди не желают признавать, что случилось нечто, нарушающее привычный порядок вещей, вторгающееся в их налаженную и размеренную жизнь. Потом находится кто-то, готовый взять на себя ответственность. Этот человек вызывается «пойти посмотреть, что там такое». Если это женщина, обратно она возвращается с воплями и выпученными от ужаса глазами. Если мужчина, он с фальшивой деревянной улыбкой заверяет всех присутствующих, что все в порядке, беспокоиться не о чем, после чего звонит в полицию, «Скорую», пожарную охрану, службу газа и знакомому адвокату – иногда и депутату, в зависимости от степени стрессоустойчивости.

А потом прибывают профессионалы, и тут уж от гостей ничего не зависит.

Если бы это случилось на улице или в поезде, я взяла бы на себя роль того, кто «пойдет посмотреть». В конце концов, я повидала на своем веку всякое, и огнестрелом меня не удивить. Да и депутату звонить в стрессовой ситуации я не стану – я точно знаю, кого следует известить в первую очередь.

Но я не на улице – у этого дома есть хозяйка, ей и принимать решение. Это первое. И второе – я здесь не просто так, я охраняю клиента. Его безопасность для меня важнее всего. И мое место сейчас рядом с Иваном.

Кстати, мой клиент несколько не испугался. Поразительно, в первые дни он шарахался от проезжавших машин и ожидал стрельбы из подворотен. И вот теперь, когда случилось что-то по-настоящему серьезное, Ванечка с интересом вертит головой и хлопает ресницами наивных синих глаз.

Возможно, иностранец просто не осознал важности происшествия. Кажется, Хрусталефф решил, что это чересчур громко хлопнула пробка от шампанского. Но я-то знаю, что никакое это не шампанское... Что покой этого старинного дома нарушен навсегда.

– Лиза, я, пожалуй, пойду, посмотрю, что там такое, – не очень уверенно проговорил полный мужчина в светлом костюме. Его спутница судорожно вцепилась в его руку, не желая отпускать, но он деликатно освободился, после чего скрылся в доме, едва не задев меня плечом. Мы с Иваном так и стояли на ступенях, и нам пришлось расступиться, чтобы пропустить добровольца.

Ну вот, все и завертелось. Все как обычно. Ах как жаль, что мне не удалось увести Ивана до того, как все это случилось! Вот что теперь будет, а? У иностранца через двенадцать часов самолет. Кто знает, на сколько затянутся следственные действия? Да просто для того, чтобы опросить на месте сотню человек, потребуется вся ночь! Это не считая официантов, музыкантов и прочую обслугу. А ведь еще нужно дать время криминалистам и следователям... Нет, в собственной постели мне сегодня точно не поспать!

– Евгения, скажите, что происходит? – Иван подергал меня за руку, точно ребенок. Ну точь-в-точь недотепа-финн из кино про особенности национальной охоты! «Женя, что случилось? Зачем они поят медведя водкой?!»

– Я пока не знаю, Иван, – как могла вежливо ответила я, – но уверена, все скоро разъяснится.

Лицо иностранца разгладилось. Кажется, мой подопечный абсолютно доверял мне.

Мужчина в светлом костюме вышел из дома. Все лица обратились к нему, как если бы он был солнцем, а гости – подсолнухами. Перед собой решительный мужчина толкал Иржи, бледного до зелени. Дворецкий, камердинер, лакей и секретарь в одном лице сжимал в дрожащих руках охотничье ружье. Какая-то женщина пронзительно завизжала.

Елизавета Киприанова прижала к груди руки и нетвердым голосом спросила:

– Боря, ну что там?

Мужчина оглядел гостей, но скрыть что-либо было уже невозможно.

– Лиза, тебе лучше пойти посмотреть самой.

Киприанова взбежала по ступеням, секунда – и за ней ринулась толпа. Ну нет! Этого допустить нельзя!

– Всем оставаться на местах! – скомандовала я «милицейским» голосом. Конечно, толпу футбольных фанатов таким способом не остановишь, но на вменяемых людей старше пубертатного возраста это действует прекрасно. Я ухватила под руку Борю – очевидно, он был однокурсником Киприановой и довольно близким знакомым – и резко спросила:

– В каких вы отношениях с хозяйкой дома?

– Мы учились вместе, – растерянно пробормотал мужчина.

– Вы ведь не хотите, чтобы у Лизы были неприятности?

– Конечно, нет!

– Тогда постарайтесь обеспечить хоть какой-то порядок до прибытия полиции. Вас тут все знают, а потому послушают. Наведите порядок, только быстро.

Боря странно на меня посмотрел. Не знаю уж, за кого он меня принял – возможно, за сотрудницу службы безопасности в штатском, но зато прислушался к моим словам и принялся деловито распоряжаться. «Ребята из 412-й группы» оцепили площадку, «народ с мехмата» перекрыл дверь, и я со спокойной совестью поволокла своего иностранца в сторону.

– Женя, куда мы идем? Что случилось? – недоуменно вопрошал Хрусталефф.

Будь я одна, я непременно бы вошла в дом и узнала, в чем дело. Но у меня на руках, если можно так выразиться, был иностранец, так что оставалось только переместить его в безопасное место, то есть на скамеечку среди розовых кустов, и ждать приезда правоохранительных органов.

Как странно распространяются слухи. Вроде бы никто ничего толком не сказал, а все уже минут через десять знали, что умер старый гроссмейстер Киприанов. Старик найден в своем любимом кресле с коллекцией монет в руках. Получается, я последний человек, который видел гроссмейстера живым, – ну, кроме убийцы, конечно. Эх, жаль старика! Недаром мне померещилась темная тень за его спиной...

Полиция прибыла быстро – на хорошей скорости отсюда до города всего тридцать минут. Следственную бригаду возглавлял майор Пантелеймонов. Это было, пожалуй, на руку мне и особенно моему клиенту. С Пантелеймоновым мы пересекались, когда я в прошлом году влипла по самые уши в неприятности в связи с «делом покойной новобрачной». Та история была довольно запутанная. Началась она со стрельбы на ступенях загса, а закончилась вообще на деревенском кладбище, причем меня едва не похоронили заживо. Майор Пантелеймонов прибыл тогда весьма кстати.

Михаил Юрьевич отлично знал, кто я такая, и можно было надеяться, что нас с иностранцем не будут мариновать до утра как самых подозрительных из всей честной компании, а станут допрашивать в первую очередь.

Следственная бригада скрылась в доме. Потекли томительные минуты ожидания.

Но произошло нечто неожиданное. На крыльцо вышел Пантелеймонов. При его появлении все разговоры стихли. Майор откашлялся. Он больше всего походил на злодея-кулака из советского сериала «Тени исчезают в полдень», но я знала, что он умный и дельный дядька, из тех, на которых все держится. Такие люди, если им по долгу службы приходится совершать что-то против совести, после этого идут и крепко напиваются.

Майор был краток. Он сообщил, что в доме произошла трагедия – скончался восьмидесятилетний Иннокентий Петрович Киприанов. Я удивилась. Я здорово удивилась. Вообще-то это было довольно необычно – то, что полиция пускается в какие-то объяснения перед простыми гражданами. Но потом я подумала-подумала – и решила, что майор совершенно прав. На приеме присутствует сотня человек. Рты такому количеству народа не заткнешь, как ни старайся. Лучший способ остановить слухи, что уже начали курсировать в толпе, – это сказать людям правду (ну или то, что с этого момента будет считаться правдой) громко и во всеулышание.

Гостям следует оставить свои координаты и контактные телефоны, после чего они могут отправляться по домам.

Гости загудели, переговариваясь, и потянулись к машинам. На выходе их встречали сотрудники полиции и записывали данные. Я прикидывала, как долго мне придется ждать, чтобы вывести со стоянки свой «Фольксваген». Первые автомобили уже отъезжали от дома, когда майор повернулся ко мне и произнес веско: «А вас, Евгения Максимовна, я попрошу остаться!»

Я выругалась – грязно, но исключительно про себя. Ну вот, чем моя персона заинтересовала майора? Ах да, Иржи! Наверное, камердинер заявил, что я приходила к старику незадолго до его гибели. Позвольте, почему же тогда отпустили на волю сотню гостей?! Ведь убийцей может быть один из них!

И только тут до меня дошло. Не было никакого убийства, вот ведь в чем штука! Старик Киприанов умер естественным образом – инфаркт или инсульт. В восемьдесят лет оно и неудивительно! А мы с ним еще шампанское пили, и я удивлялась, как лихо он хлопнул целый бокал! Может, именно спиртное спровоцировало приступ? Тогда получается, если бы я не зашла к старику, он был бы жив?

«Стоп, Охотникова! – одернула я себя. – Не надо принимать на себя все беды этого мира». Я ведь не заставляла Киприанова пить это злосчастное шампанское «Вдова Клико»... А все-таки мне жаль гроссмейстера. Блестящий был шахматист, и человек чрезвычайно обаятельный.

Позвольте, но при чем тогда выстрел?! Если гроссмейстер мирно скончался в своем кресле от старости, кто же тогда стрелял? И – главное – в кого?!

Ну ничего, Охотникова! Недолго тебе терзаться вопросами – Михаил Юрьевич вскоре разгадает все загадки. Я проводила завистливым взглядом отъезжающие автомобили и потащила в дом вслед за Пантелеймоновым, а за мной шел недоуменно моргающий Иван Хрусталефф.

Мы поднялись на третий этаж. Дверь в кабинет была распахнута. Там суетились медики – двое санитаров укладывали на носилки тело гроссмейстера. Череп все так же стоял на столе, и песок больше не сыпался в часы – некому было их перевернуть. Шахматные фигуры застыли все в той же позиции, только кто-то передвинул ферзя. Шах и мат. С кем же играл старик после моего ухода? Кто вообще мог поставить мат гроссмейстеру?!

– Евгения Максимовна! Я к вам обращаюсь!

Я так загляделась на картину смерти, что не сразу услышала раздраженный голос Пантелеймонова.

– Что, простите? – Я повернулась к майору.

– Я спрашиваю, кто этот гражданин и для чего вы привели его с собой? Кажется, я вызывал только вас.

Иван непонимающе моргал, переводя взгляд с майора на меня и обратно.

– Простите? Какой гражданин? А, этот. Это вовсе не гражданин. Это господин Хрусталефф из Лос-Анджелеса. Я его охраняю.

Майор тяжело вздохнул. Вот только иностранца тут не хватало!

Я торопливо проговорила:

– Завтра... Нет, уже сегодня в четырнадцать ноль-ноль у него самолет. Господин Хрусталефф возвращается домой. Ну, конечно, если вы его не задержите...

– Пусть летит, – веско произнес Пантелеймонов и подтвердил свои слова движением пальцев, изобразив, как порхает бабочка. Иван понял и просиял – ему тоже не улыбалась перспектива застрять на родине предков в связи с полицейским расследованием.

– Ну вот и отлично, – подвел итог Пантелеймонов. – Теперь я прошу вас, Евгения Максимовна, ответить на несколько вопросов.

Я быстро объяснила Ивану, что нас не задержат надолго. Небольшая беседа с господином майором – и все, свобода! Иван закивал и заулыбался. Порядок есть порядок, ничего не поделаешь.

Мы вошли в комнату, соседнюю с кабинетом покойного гроссмейстера. Комната была невелика и очень скромная – никаких бархатных портьер и балдахинов. Узкая кровать, плазменный экран на стене, полочка с книгами на иностранном языке. Судя по мужским аксессуарам, тут проживал Иржи.

Сам камердинер находился здесь же – сидел у стола, уронив голову на руки. В углу, в глубоком кресле, сторбилась Елизавета Киприанова. На ее голые плечи кто-то накинул нелепую вязаную шаль, и теперь хозяйка дома куталась в нее, точно ей было холодно. Лицо женщины было бледным и погасшим, волосы развилась и повисли длинными прядями, потеки туши на лице делали Елизавету старше. Странно, старик назвал ее дочерью, но Пингвин упомянул, что ее зовут Елизавета Абрамовна. А ведь гроссмейстера звали Иннокентием...

Майор тяжело опустился на стул, который жалобно заскрипел под его немалым весом.

– Вот этот молодой человек утверждает, что вы входили в комнату покойного примерно за десять-пятнадцать минут до смерти последнего и даже распивали с ним шампанское.

Иржи поднял голову и указал на меня трясущимся пальцем:

– Да, да, это она, точно эта женщина! Я ее узнал – и лицо, и платье!

От волнения в его речи проступил иностранный акцент.

– Да я и не отрицаю! – Я пожалала плечами и подхватила сползающую сумочку. Только бы майору не пришло в голову поинтересоваться ее содержимым! У меня там и шокер, и наручники...

– Я познакомилась с Иннокентием Петровичем всего час назад. Я случайно заглянула в его комнату, и господин Киприанов пригласил меня войти и выпить с ним шампанского. Я согласилась. Мы немного поболтали. Потом я вернулась к гостям, и почти сразу после этого узнала о смерти Иннокентия Петровича.

У меня язык не поворачивался назвать грессмейстера «покойным». Подумать только, всего час назад он предлагал мне сыграть с ним в шахматы!

– И вы не заметили ничего подозрительного? Покойный разговаривал и вел себя как обычно?

– Я понятия не имею, как он вел себя обычно. Я же говорю, что не была с ним знакома до этого вечера!

В моем голосе прозвучала раздраженная нотка, и Иван обеспокоенно уставился на меня. Стоп, Охотникова! Ты прекрасно знаешь, что это просто игра в тупого полицейского. Такими вот намеренными «ляпами» меня просто испытывают на прочность – вдруг разозлюсь и сболтну что-нибудь стоящее внимания?

Пантелеймонов внимательно изучал мою честную физиономию. Смотри, смотри. Сейчас как раз тот редкий случай, когда моя совесть абсолютно, прямо-таки кристально чиста. И вообще не понимаю, к чему вся эта игра в допрос – ведь старик Киприанов умер своей смертью...

– Ладно, Евгения Максимовна. К вам у меня больше вопросов нет.

– Зато у меня есть один маленький вопрос. Можно? – Я подождала, пока Пантелеймонов кивнул, и продолжила: – Скажите мне, кто же все-таки стрелял?

Пантелеймонов нахмурился. Ох, я прекрасно знаю, насколько полицейские не любят отвечать на подобные вопросы! Но никого ведь не убили, верно? Выстрел не имеет отношения к смерти старого грессмейстера... Так что я вполне могу полюбопытствовать.

– Мы пришли к выводу, что это была чья-то неуместная шутка, – сообщил мне майор. Я вытаращила глаза. Ничего себе, шуточки! С применением огнестрельного оружия...

Майор понизил голос:

– Мы обнаружили ружье на полу у открытого окна в спальне старика. Сначала мы решили, что это дело рук секретаря... Очень уж нервный молодой человек. Но он оказался ни при чем. Скорее всего, выстрел произвел кто-то из подвыпивших гостей. Мы еще не опрашивали их по этому вопросу...

Пантелеймонов хмуро посмотрел на меня, но я прямо-таки излучала дружелюбие и желание сотрудничать с правоохранительными органами. Черт, сумочка опять сползает.

– Что ж, – веско проговорил майор и поднялся, – вы человек в городе известный. Увозите своего иностранца. Кстати, на прощание посоветуйте ему, чтобы он там, у себя, не распространялся особо об этом случае.

– Непременно посоветую! – Я тоже встала и сделала Ивану знак следовать к двери.

Иностранец просиял и бодро двинулся к выходу.

Но покинуть дом так быстро, как хотелось, нам с Иваном не удалось. Хрусталефф подошел к двери – и вдруг отшатнулся, попятился. Я шагнула вперед.

Оказывается, двое санитаров выносили из кабинета накрытое простыней тело. Они поленились распахнуть настежь тяжелые дубовые створки, и теперь носилки застряли в двери. Словно грессмейстер отказывался покидать дом...

– Простите, Иван, нам придется еще немного задержаться, – проговорила я по-английски, обернулась и встретила испуганный взгляд синих глаз иностранца.

– В чем дело? Вам плохо? – поинтересовалась я довольно резко. Терпеть не могу нервных мужчин... А Хрусталефф ведь даже не был знаком с покойным! Чего это он так распереживался, спрашивается?

Иван действительно выглядел не лучшим образом – он был бледен, капли пота, точно мелкий бисер, покрывали его лоб и щеки, на которых после бессонной ночи явственно проступила щетина. Сейчас иностранец был похож не на милого мальчика, как обычно, а на испуганного поросенка.

– О, Женя, я попросту боюсь мертвецов. Еще с детства! – Хрусталефф попытался умильно улыбнуться, но улыбка вышла кривая и жалкая.

– Совсем скоро мы уедем, потерпите, – уже мягче сказала я. – Отвезу вас в гостиницу, а днем уже самолет.

– Я бы тоже хотела куда-нибудь улететь, – послышался хриплый женский голос. Я обернулась. Елизавета Киприанова смотрела, как мимо двери проплывают накрытые белым носилки. Санитары наконец-то догадались распахнуть дверь настежь.

– Он ведь даже не отец мне, – адресуясь к черепу на столе, проговорила хозяйка дома. – Он отец моего мужа. И Тому он не выносил... А теперь я горюю. Просто сердце разрывается.

Пантелеймонов выглянул за дверь.

– Все. Вы можете выходить.

Я кивнула на прощание Елизавете, и мы с Иваном спустились по лестнице, причем иностранец все время норовил обогнать меня.

Было пять часов утра. В ветвях деревьев уже распевали птички, и солнце поднималось над лесом. Роса намочила мои туфли. Сегодня будет жаркий день.

Мой верный «Фольксваген» ждал меня на стоянке. Неподалеку виднелась еще одна машина – небольшая красная «Тойота», а так стоянка, еще недавно забитая до отказа, была совершенно пуста – все гости разъехались по домам. Я вспомнила вчерашний вечер, фейерверки, музыку и смех. Как странно закончился этот праздник...

– Ну вот, все завершилось, – сказала я Ивану. – Волноваться не о чем. Сейчас я доставлю вас в город, в гостиницу, а днем отвезу в аэропорт. Мне очень жаль, что поездка на родину оказалась омрачена таким печальным происшествием.

Тьфу ты! Я что, теперь всегда буду изъясняться как покойный грессмейстер?!

Иван скорбно покивал:

– Я очень огорчен, признаюсь, но что же поделать... это жизнь, как говорят французы!

Се ля ви. Я не стала злорадствовать и упрекать иностранца – если бы он послушал моего совета и не потащился на праздник к незнакомым людям, ничего этого не случилось бы...

Я пристегнулась и завела мотор.

В это время дверь особняка распахнулась. По ступеням широкого крыльца сбежала Елизавета Киприанова. Она была в том же зеленом платье с открытой спиной и в накинутой на плечи шали. Хозяйка дома успела только умыться и заколоть волосы. За Елизаветой шел мальчик – тот самый, что крикнул мне «Убирайтесь!» Мальчик нисколько не спешил, он неторопливо прошествовал к «Тойоте» и привычно забрался на заднее сиденье. Я медленно проехала мимо. Руки Киприановой тряслись, и она никак не могла попасть ключом в замок зажигания.

Вообще-то в нормальных обстоятельствах я вышла бы из машины и предложила Киприановой свою помощь. Конечно, Елизавета торопилась поскорее увезти своего сына из дома, где произошла трагедия. Вот только садиться за руль в таком состоянии – не самая лучшая мысль.

Если бы я была одна, я предложила бы отвезти мальчика в город. Но со мной был Иван – а это значит, что я на работе и не могу делать все, что вздумается. За сегодняшний вечер я и без того нарушила множество писанных и неписанных правил работы телохранителя...

В конце концов, Киприанова – взрослый человек. И я за нее не в ответе. А вот жизнь и безопасность Ивана – это как раз моя забота. И я нажала на газ, оставив далеко позади Киприанову с ее проблемами.

Вскоре я выехала на шоссе и понеслась в сторону города. Шоссе было пустым, и я рассчитывала добраться до Тарасова минут за двадцать.

Красная «Тойота» обошла меня на опасном участке – там, где шоссе совершало «восьмерку» на съезде с моста. Иномарка вильнула и едва не чиркнула крылом по моей машине. Я нажала на тормоз и невольно выругалась. Киприанова шла под двести, не меньше. Ну куда она так спешит? Ведь ничего уже не поправить...

– Женя, вы не могли бы ехать помедленнее, – попросил Иван, и я сбавила скорость. Мне тоже было беспокойно. И точно!

Под мостом кверху днищем валялась «Тойота», колеса продолжали бешено вращаться в воздухе, и мотор надсадно выл.

– Шит! – громко сказал Хрусталефф. Я была с ним полностью согласна.

– Оставайтесь в машине! – крикнула я Ивану, а сама отстегнула ремень и побежала к месту аварии. Проклятое платье, вот как в нем оказывать помощь? Не говоря уже о высоченных каблуках... Первым делом я просунула руку между вздувшимися подушками безопасности и повернула ключ в замке. Мотор в последний раз взревел и замолк. Теперь пассажирам, в каком бы состоянии они ни находились, не угрожала опасность взрыва. Проклятые подушки упорно не желали сдвигаться. Я покопалась в сумочке и достала нож с выкидным лезвием. Пара движений – и подушки опали, открывая картину аварии.

Мальчик был жив и невредим. Он сидел на заднем сиденье, пристегнутый ремнями безопасности, и смотрел на меня абсолютно спокойно, точно ничего не произошло. Шок у него, что ли? Сидит вверх ногами и слушает плеер как ни в чем не бывало...

Елизавете Киприановой повезло меньше. Женщина не была пристегнута, и, хотя подушки и сработали как надо, Киприанова явно была травмирована. Во время аварии она слетела с водительского сиденья и теперь была зажата рулевой колонкой. Я решила не трогать ее до приезда медиков.

– Подойдите ко мне, поговорите со мной! – тихо позвала Киприанова.

– Сейчас, сейчас!

Я вызвала «Скорую» и полицию и только после этого подошла к Елизавете и опустилась на колени на асфальт.

– Послушайте, как вас там... Евгения, – зашептала Киприанова, лихорадочно блестя глазами. – Вы должны мне помочь, срочно!

– Потерпите, скоро приедет бригада «Скорой», – попыталась я успокоить пострадавшую.

– Я не об этом! Вы должны забрать с собой моего сына!

Я посмотрела на мальчика. Он все так же глядел прямо перед собой, и губы его шевелились, повторяя иностранные слова. Я уже начала понимать, что с мальчишкой что-то явно не в порядке.

– Забрать? Куда забрать? – непонимающе повторила я.

– Вы отвезете Артема в нашу городскую квартиру. Лесной бульвар, дом десять, квартира два. Там Клава, наша домработница. Она позаботится о Теме. Вот и все, о чем я вас прошу. Ведь вы не откажете?

Елизавета умоляюще смотрела на меня. Из уголка красивого рта медленно стекала капля крови.

– Хорошо, я сделаю так, как вы просите.

В машине у меня сидел клиент, и это было вопиющее нарушение правил и инструкций... Но я не могла отказать Киприановой. К тому же мальчик не представлял опасности для моего

клиента, да и Лесной бульвар нам по пути, так что не такое уж страшное нарушение я собираюсь совершить.

– Спасибо, – Елизавета на мгновение закрыла глаза, отдыхая, потом обратилась к сыну: – Артем, я не могу отвезти тебя домой. Мама заболела, понимаешь? Вот эта добрая девушка – ее зовут Женя – отвезет тебя к няне Клаве. Вы будете есть плюшки с вареньем и смотреть «Нэшнл джеогрэфик». И ты будешь каждый день заниматься, как обычно. А потом я приеду за тобой.

Мальчик никак не отреагировал на слова матери. Я смотрела на него во все глаза.

– Вы боитесь, что его заберет психиатрическая перевозка? – напрямую спросила я. Вдалеке уже слышались завывания сирены «Скорой помощи», и на дипломатию совершенно не оставалось времени.

Киприанова кивнула, и по щекам ее побежали слезы.

– Они не понимают... не знают, как с ним нужно обращаться. Ему там будет плохо. Он ни разу не ночевал один. Простите меня, Женя, что я сваливаю на вас свои проблемы... но у нас с Темой больше никого нет. Особенно теперь, когда Иннокентий Петрович умер...

Полиция прибыла, когда медики укладывали потерявшую сознание Киприанову на носилки. На шею женщине надели фиксирующий воротник – похоже, у Елизаветы была травма позвоночника.

– Повезло дамочке, что у нее иномарка, – громко заявил немолодой доктор. – Если бы ехали в «Жигулях», побились бы в хлам. Помнишь, Валь, как на той неделе?

Меня слегка покорибила бесцеремонность этого местного Гиппократы, но не сильно. Всем профессионалам в той или иной мере свойственен некоторый цинизм, это нормально. Лишь бы дело делал...

Мальчик самостоятельно выбрался из машины и теперь стоял на шоссе, глядя, как его мать грузят в машину «Скорой помощи».

– Кто свидетель ДТП? – строго спросил молоденький сержант.

Я объяснила, что не видела сам момент аварии, и кратко рассказала, что тут произошло.

– В какую больницу ее забираете? – на минуту оторвавшись от протокола, крикнул сержант эскулапу.

– В восьмую! – отозвался тот.

Я обернулась посмотреть, как там мой клиент, которого я изо всех сил должна охранять, вместо того чтобы решать чужие проблемы. Иван смиренно сидел в «Фольксвагене». Кстати, из машины он за все время так и не вышел, помочь не предложил и даже не поинтересовался, что же случилось с хозяйкой приема, на котором он так приятно провел время. Я вздохнула и задумалась о том мгновении, когда посажу иностранца в самолет. Поскорее бы...

В этот момент от машины послышались дикие, нечеловеческие крики. Я обернулась. Артем отбивался от доктора.

– В чем дело? – Я подбежала к мальчику. Теперь я отвечаю за него.

– Я всего лишь хотел его осмотреть! Выяснить, нет ли травм! А этот псих на меня накинулся! В жизни такого не видал, – обиженно пробормотал врач, прижимая ладонь к носу, с которого капала кровь.

– Я не псих! – впервые за все время подал голос Тема. После чего всунул в ухо выпавший наушник и беззвучно зашевелил губами.

– Что это с ним? – с подозрением спросил доктор, косясь на Артема.

– Не обращайтесь внимания. Мальчик со странностями. Аутист или что-то вроде того. Сейчас я его увезу отсюда.

Врач скорбно покачал головой:

– Несчастливая мать... Правильно говорят – богатые тоже плачут!

Я едва подавила гнев. Тоже мне, социалист, нашел время для своих теорий!

– Как вы думаете, мальчик не пострадал? – спросила я врача.

– В полном порядке ваш аутист, – злобно отозвался врач, промокая разбитый нос стерильной марлей. – Вон как меня звезданул! Знал бы, что тут такое, – психоперевозку бы вызвал!

Следовало признать, что Елизавета оказалась совершенно права. «Скорая», завывая сиреной, устремилась в сторону Тарасова. Артем даже не обернулся.

– Сержант, мы можем ехать? – поинтересовалась я.

– Почему же нет? – удивился тот. – Дамочка в машине была одна, не считая несовершеннолетнего сына, самой аварии вы не видели... Езжайте, только протокол подпишите.

Я расписалась и направилась к своей машине. Артем стоял столбом. Пришлось вернуться.

– Артем, послушай. Твоя мама поручила мне, чтобы я отвезла тебя домой. Ты ведь хочешь домой?

– Лесной бульвар, дом десять, квартира два, – как попугай, повторил мальчик, глядя сквозь меня.

– Отлично! Тогда садись в машину и поехали.

Артем послушно пошел к машине, распахнул дверцу... и пронзительно завопил.

– О, май год! Женья, что это?! – в ужасе подпрыгнул Иван.

Только этого еще не хватало! Теперь я оказалась между молотом и наковальней, выражаясь образно. А если попросту: между двумя мужчинами, один из которых – больной мальчишка, а другой – избалованный иностранец да вдобавок мой клиент, который заплатил мне немалую сумму именно за то, чтобы я обеспечивала ему покой и безопасность на земле предков...

Тема продолжал пронзительно кричать и колотил кулаком по крыше моего «Фольксвагена».

– Послушайте, Иван, этот мальчик – сын Киприановой. Он, кажется, болен. Его мать забрали в больницу, а меня попросили отвезти мальчика домой, где о нем позаботятся. Артем привык ездить на заднем сиденье, вот и все. Надеюсь, вы не откажетесь пересесть вперед? Через полчаса все проблемы будут позади.

Вы не поверите, но этот тип еще с минуту колебался! Потом молча кивнул, оскорбленно поджал губы и пересел на переднее сиденье. Придется, наверное, вернуть иностранцу часть денег. Наверняка Хрусталефф уверен, что я выполняю свои обязанности телохранителя не лучшим образом. Да я и сама с ним согласна, честно говоря...

– Ну все, заканчивай акцию протеста, садись и поехали! – сказала я Артему. К моему изумлению, мальчик послушался. Он замолчал, как ни в чем не бывало залез в машину и аккуратно пристегнулся. Я вздохнула и завела мотор.

До города мы доехали без приключений. Лесной бульвар я нашла без труда. Оставив Тему в машине, я позвонила в домофон. Откликнулся женский голос – довольно заспанный и недовольный. Ничего удивительного, время приближалось к шести утра.

– Клавдия? – незаменимым «милицейским» голосом произнесла я. – Откройте немедленно.

Домработница струхнула и впустила меня в квартиру – самую обычную, ни малейшего следа роскоши загородного дома. Старенький холодильник, оторванный линолеум прибит к полу аккуратными гвоздиками, под вешалкой одна пара женских туфель и четыре пары совершенно одинаковых кроссовок фирмы «Найк» разной степени поношенности.

Я объяснила Клаве, что ее хозяйка попала в аварию и теперь находится в восьмой городской больнице.

– А Темочка? – тут же вскинулась женщина. Она была маленького роста, полная и очень уютная – настоящая нянюшка, даже с ямочками на щеках.

Я проводила Клаву к машине, где все так же неподвижно восседал Артем.

– Темочка, пойдем домой! Пойдем, бедняжка моя! Пойдем, сиротка!

На мой взгляд, это был уже перебор, да и называть мальчика сироткой было еще рано. Но меня это все уже не касалось. Главное, что Артем послушно вылез из машины и, не оборачиваясь, побрел к дому. Клава так охала и ахала, окружила парнишку такой заботой, что сразу было ясно – в обиду она мальчика не даст, и я могу считать свое обещание, данное Киприановой, выполненным.

Я отвезла Ивана в гостиницу, а потом в аэропорт. К чести иностранца стоит отметить, что требовать возврата денег Хрусталефф не стал. И вообще он поблагодарил меня за отличную работу и «незабываемые», как он выразился, впечатления от этой поездки. Меня так и тянуло сказать: «Это не я... Я не виновата! Не приложила ни малейших усилий, чтобы сделать вашу поездку в Тарасов, кхе-кхе... забываемой!» Но промолчала. Простились мы с Иваном по-доброму, и он сообщил, что обязательно порекомендует такого классного телохранителя своим знакомым, если кто-нибудь из них вдруг соберется в Тарасов. Я дружески помахала рукой взлетающему самолету и выкинула Ивана из головы.

На следующее утро меня разбудил телефонный звонок.

Вообще-то по натуре я типичная «сова». Беда в том, что моя непредсказуемая работа редко предоставляет мне возможность выспаться хорошенько. Поэтому выходные для меня – это святое. Идеальный выходной я вижу так. Проснуться часикам к двенадцати... Нет, лучше к половине второго. Принять душ. Сварить себе кофе и долго лениво слоняться по квартире. После обеда посмотреть какой-нибудь хороший старый фильм – лучше всего для расслабления годится классический Голливуд: интересно, легко, остроумно и, что называется, не грузит. Потом надо все-таки заставить себя навести порядок в доме. Ну хотя бы пол помыть. Вообще-то вещей у меня немного, и все лежат строго на своих местах – армейские привычки, так что уборка много времени не занимает. Под вечер – пробежка, часика так полтора. Потом хорошо бы помочь тетушке Миле приготовить ужин. На самом деле главное здесь не помощь, а общение. Я уделяю тете не так много внимания, как хотелось бы, а ведь Мила не становится моложе... После ужина – еще один фильм, теперь уже новый. Можно без перевода, так даже лучше – а то в провинциальном Тарасове у меня проблемы с языковой практикой. Вот сушили я точно запустила... А потом короткий сон – и вот уже я готова к новым заданиям!

Ну это если выходной получается идеальным. На практике идеальный отдых выдается крайне редко. Вот, например, телефон – главный враг хорошего отдыха...

– Алло? – простонала я в трубку, протирая глаза.

– Евгения? Это Елизавета Киприанова, – донесся до меня слабый голос. Я подпрыгнула на кровати, и сон с меня немедленно слетел.

– Здравствуйте, Елизавета! Как вы?

– Приезжайте в восьмую городскую больницу. У меня есть работа для вас. – И Киприанова повесила трубку.

Ничего себе! Интересно, о чем идет речь... Работа? Какую работу хочет предложить мне Киприанова, которая прикована к постели в восьмой горбольнице?!

Я быстро приняла душ, влезла в старые верные джинсы и жилетку, а бутерброд дожевывала уже на ходу, торопясь к машине. Правда, пока я ждала лифта в вестибюле больницы, я успела купить стаканчик кофе в автомате и, подходя к двери палаты Киприановой, допивала последние капли. Ну вот, хотя об идеальном выходном можно забыть, теперь я более-менее готова к работе.

Палата была одноместная, люксовая. Киприанова лежала на высокой кровати у окна, рядом стояла капельница и попискивали приборы. Я бросила беглый взгляд на всю эту медицинскую механику и сделала вывод, что жизни пациентки ничто не угрожает. В этих делах я, к сожалению, собаку съела. И не одну...

Киприанова была бледной, на шее высокий фиксирующий «воротник», глаза обведены коричневыми тенями, губы лихорадочно обметаны, но на умирающую она не походила.

– Здравствуйте, Евгения! Спасибо, что так быстро приехали! – слабым голосом прошелестела Елизавета. – Я хочу поблагодарить вас. Вы спасли нас с Темой. Кто знает, сколько мы пролежали бы в машине, пока нас не обнаружили бы...

Я подумала, что пролежали бы они там очень недолго – работающий мотор, бензин из пробитого бензобака... Но, само собой, промолчала.

– Как вы себя чувствуете? Что говорят врачи?

Киприанова слабо махнула рукой:

– Давайте оставим светские беседы, у меня на них нет сил. Перейдем сразу к делу, ладно?

– Давайте перейдем, – кивнула я.

– Жизни моей ничего не угрожает, – тихо проговорила Елизавета, – но мне предстоит длительное лечение. И дорогостоящее, к стати. Возможно, операция на позвоночнике. Но это ничего, мой бывший муж все оплатит. Вчера мне удалось позвонить ему, и вот, видите, – отдельная палата, цветы... Проблема не в этом.

– А в чем? – спросила я, уже начиная догадываться, к чему идет дело. Нет, только не это!

– Сегодня звонила Клабочка, рассказала, как вы привезли Тему... Он непростой мальчик, совершенно не идет на контакт. А у вас так ловко получилось доставить его домой! Клабочка говорит, вы Теме понравились.

– Да ну? – удивилась я, вспомнив вчерашнее.

– Он так редко проявляет интерес к людям! Собственно говоря, Тема не общается ни с кем, кроме меня, Клавы, моего бывшего мужа и еще учителя математики, Федора Ивановича. Мальчик даже с дедом не мог найти общий язык – так, иногда в шахматы играл, и все... А вы ему понравились!

И Киприанова светло улыбнулась. Я уже поняла, что больной мальчик составлял весь смысл существования этой женщины, и поежилась. Отказать ей будет крайне трудно...

– Чего же вы хотите от меня? – прямо спросила я.

– Я прошу, чтобы вы отвезли моего сына к его отцу, моему бывшему мужу, – сказала Елизавета и, увидев выражение моего лица, быстро добавила: – Разумеется, я вам хорошо заплачу. Сколько скажете.

Я задумалась. Нечасто мне выпадают задания, за которые платят «сколько скажу». Честно говоря, это всего лишь второй случай в моей практике. О первом я не люблю вспоминать...

– Ну, допустим, я соглашусь. И где проживает ваш муж?

Елизавета ответила, но так тихо, что я не расслышала.

– Простите? – я наклонилась к самым ее губам, и Киприанова виновато произнесла:

– В Израиле. Он живет в Израиле.

Я откинулась на спинку стула и с интересом посмотрела на женщину.

– Вы что, всерьез верите, что такое возможно? Вчера мне стоило большого труда доставить вашего мальчика в городскую квартиру. А тут предполагается, что я повезу его через половину мира? Боюсь, что это невозможно.

Я приподнялась, собираясь уходить. Киприанова заплакала. Она не пыталась меня уговорить, просто лежала молча, зажмурясь, и слезы сбегали к уголкам глаз. Я села.

– Хорошо, как вы себе это представляете? Ваш сын, как вы сами сказали, признает только вас, отца, домработницу и учителя. Меня он вчера увидел впервые в жизни. Артему требуется специальное сопровождение, возможно, медицинское обслуживание. Я ведь не врач, тем более не психиатр... Разве не разумнее было бы поручить сопровождение вашего сына учителю или домработнице – людям, которых он хорошо знает?

Киприанова открыла глаза:

– Клава не поедет. Я предлагала ей любые деньги, но она в жизни не выезжала дальше Москвы и до смерти боится границы. И английского она не знает. А Федор Иванович слаб здоровьем, у него гипертония. Я не могу доверить ему ребенка – вдруг с ним что-нибудь случится в самолете?! Мне больше не к кому обратиться. Вчера этот полицейский сказал, что вы известный в городе человек. Телохранитель с отличной репутацией... Вам я могу доверить Тему. Но больше никому.

Я уже понимала, что придется согласиться. Это была классическая психологическая ловушка – ну я же не зверь, чтобы отказать прикованной к постели женщине? И дело тут уже не в деньгах. Просто, не заглуши я вчера мотор, реши проехать по другой дороге, и сама Киприанова, и ее сын были бы давно мертвы. Так что теперь я несу ответственность за все, что произойдет дальше. Такое со мной не в первый раз...

– Ладно, – я поднялась. – В принципе я согласна. Но до завтрашнего дня я с места не тронусь. Мне необходимо подготовиться к поездке. Да и вам тоже. Во-первых, вы должны дать мне нотариально заверенное разрешение на вывоз вашего мальчика за границу, а то меня арестуют как похитителя. Во-вторых, вы должны сообщить мне все о привычках вашего сына – насколько я понимаю, у него какая-то разновидность аутизма? Вечером я заеду к вам еще раз, а вы пока подумайте. В-третьих, дайте мне контактные телефоны вашего бывшего мужа. Я смогу вылететь завтра. Пусть нам закажут билеты. Если хотите, я буду сама вести переговоры с отцом Артема – только сообщите, что передаете мне такие полномочия.

Киприанова слабо улыбнулась и благодарно прошептала:

– Да, на вас и в самом деле можно положиться... Спасибо вам!

– Об оплате мы поговорим, когда я доставлю мальчика на место. Насколько я понимаю, заплатит мне ваш бывший муж? Что ж, с ним я и буду беседовать – в зависимости от того, как все пройдет. А пока отдыхайте.

Я вышла в коридор и прислонилась к двери палаты. На самом деле мне не нужно столько времени, чтобы собраться в дорогу. Загранпаспорт у меня в порядке, сумка собрана и стоит у двери – ведь я никогда не знаю, куда занесет меня следующее задание. Однажды, например, я из чистой жалости вывела погулять болонку старушки-соседки, а через двенадцать часов уже убегала по крышам в Мумбаи, отстреливаясь от религиозных фанатиков...

Мне нужно было время для того, чтобы навести справки о моих клиентах. Я предпочитаю знать, во что ввязываюсь, когда берусь за очередную работу. Дело в том, что с того момента, когда я даю согласие охранять кого-либо, проблемы клиента становятся моими проблемами. Беда в том, что люди не понимают: телохранитель – то же самое, что врач или священник. Клиенты стесняются объяснить, что происходит на самом деле, стараются выглядеть лучше, чем они есть, даже перед телохранителем, и тем самым окончательно запутывают и без того непростую ситуацию. Потому что если бы она была простой, они вообще ко мне бы не пришли... Так что я стараюсь выяснить хоть что-то о клиентах до того, как приму их предложение. Ну или, как в данном случае, до того, как начну действовать.

На первый взгляд дело кажется простым. Ну подумаешь, отвезти к папаше мальчика-подростка! То, что Артем – аутист, усложняет задачу, но тоже не фатально. Мне никогда не приходилось иметь дело с такими детьми, но я смотрела чудесный фильм «Человек дождя». Аутиста там играет Дастин Хоффман, а его брата, который похищает больного из лечебницы, чтобы завладеть наследством, – совсем молоденький Том Круз. Замечательное кино! Но я не об этом.

Аутист – это человек, который воспринимает мир особенным образом. Строго говоря, он ничем не болен. Просто у него затруднены контакты с внешним миром. Главное – соблюдать привычные ритуалы, не пытаться заставить его сделать что-то, чего он сам не хочет, и не вступать в физический контакт. Мальчик ударил доктора, который всего лишь хотел его осмотреть – а это значит, что Артем не выносит прикосновений. Учтем на будущее...

Я вернулась домой. Тетя встретила меня в дверях:

– Женечка! Наконец-то я тебя вижу. А то в последние дни ты и ночевать не приходишь! Не подумайте, будто тетушка меня упрекает. За то время, что я живу в Тарасове и работаю телохранителем, Мила давно привыкла не задавать лишних вопросов и тем более не винить меня за то, что я делаю свою работу, причем делаю хорошо. Просто тетушка беспокоится обо мне – похоже, для нее я навсегда останусь ребенком, коротко стриженной девчонкой в драных джинсах, что так любила лазать по деревьям и заборам.

– Ага! – беспечно ответила я. – Не прихожу. Мало того – завтра я вообще собираюсь за границу. Улетаю в Израиль на пару дней, а может, и больше. Ты как, продержишься?

Я отправилась на кухню и принялась сооружать себе трехэтажный бутерброд. Раз уж позавтракать как следует мне не дали...

– Ну что за странные вопросы, Женя! Конечно. Давай сегодня закупим продукты на неделю, а если ты удержишься дольше и мне не хватит, я попрошу Васеньку!

Васенька был непросыхающим алкашом со второго этажа, но в памяти Милы он навсегда остался кудрявым пионером.

– Нет, Васеньку не надо, – твердо сказала я. – Если продуктов не хватит, скажешь мне, я закажу в интернет-магазине. Тебе все привезут на дом.

– Так куда ты едешь, я прослушала? – спохватилась Мила.

– В Израиль, – осторожно ответила я, уже догадываясь, что сейчас будет. И точно!

– Ой, Израиль! Женечка, ты ведь не откажешься передать посылочку для Лялечки Фишман? Ты ведь ее помнишь, она жила в первом подъезде, а сейчас в Тель-Авиве. А в Эйлате проживает Илья Платонович, он преподавал марксизм у нас в юридическом! А потом дети увезли его туда. Тамошний климат очень полезен для его ревматизма. Вот только Илья просит у меня еловый веник, делать примочки. А откуда там елки?

Мысленно я застонала. Тетя обожает делать добрые дела. У нее миллион знакомых, и она то достает для кого-то лекарства, то пристраивает чье-то чадо к репетитору, то находит «чудного» ветеринара для морской свинки дальних знакомых... Но я-то тут при чем?!

– Нет, Мила! – вздохнула я. – Боюсь, в этот раз я не смогу взять даже самой малюсенькой посылки. Я ведь еду по работе, сопровождаю человека.

Мила вздохнула. Хотя тетушка весьма в преклонных годах, с головой у нее все в порядке. Мало того – она человек исключительно деликатный и всегда знает, когда пора остановиться.

– Ну ладно. Но ты хоть отдохни там. В Израиле совершенно волшебная природа!

– Тетя, – строго произнесла я. – Я еду работать. Волшебная природа обойдется без меня.

Мила перевела дыхание, но только для того, чтобы пойти, так сказать, с козырей:

– Ох, Женя, ну может быть, хоть там ты найдешь себе мужа!

За секунду до этого я неосмотрительно откусила от своего трехэтажного бутерброда большой кусок. Так что Миле пришлось долго хлопать меня по спине, прежде чем я прекратила кашлять и задыхаться.

У Милы есть пунктик – она мечтает выдать меня замуж. Причем чем дальше, тем ниже требования к предполагаемому кандидату. Вначале тетушка мечтала о состоятельном, образованном, умном, любящем детей, животных и классическую музыку индивидууме. Когда я резонно замечала, что такие экземпляры водятся только в дамских романах, а в реальной жизни их попросту не бывает, тетя возражала, что такая умница и красавица, как Евгения Охотникова, достойна всего самого лучшего. Потом речь шла только о добром сердце и высшем образовании. А сейчас, я подозреваю, тетя готова выдать меня за трехголового дракона, стерегущего сокровища. На мои аргументы в пользу незамужнего существования тетя отвечает горьким молчанием. Так что это болезненная тема, я предпочитаю ее вообще не затрагивать. С чего бы это тете вздумалось заводить разговор о замужестве именно сегодня?

– Понимаешь, в Петах-Тикве проживает моя старинная подруга, так вот ее внук Миша, он тоже никак не может найти себе хорошую девушку...

– Тетя, – тихо проговорила я, – уверяю тебя, этот самый Миша и я представляем себе семейную жизнь совершенно по-разному. Вот скажи, чем он занимается?

– Играет на виолончели в камерном оркестре! – ответила Мила, окрыленная моим интересом к неведомому Мише.

– Вот видишь? – с торжеством вскричала я. – Он, наверное, нуждается в девушке, которая будет варить ему обеды и гладить фрак. Как ты думаешь, ему понравится, что его невеста бегаёт по крышам с пистолетом? Может ли мужчина такое стерпеть! Что, если он схватит свой смычок и пустится в погоню, чтобы мне помочь?!

– Ты несерьезный человек, Евгения!

Тетушка невольно расхохоталась, представив описанную мною картину, но мир был восстановлен. Я прихватила бутерброд в надежде доесть его в тихом месте и отправилась в свою комнату. Пока компьютер загружался, я бросила на кровать походную сумку и принялась ее безжалостно инспектировать.

Выражение «собрать сумку» к этой ситуации не подходит. Скорее тут годится «разобрать сумку»... Да, похоже, мне придется оставить дома все мои замечательные примочки. Израильские пограничники славятся своими талантами – мимо них и скрепку не пронесешь. Я грустно вздыхала, выкладывая на кровать нужные и полезные вещи. Ни тебе светошумовых гранат, ни шокера, не говоря уже о пистолете. Вот как работать после этого?! Конечно, можно спрятать что-нибудь полезное среди вещей, но я не буду даже и пытаться. Не считая того, что я не люблю нарушать закон, что, если меня с этим поймают? Я-то ладно, рано или поздно меня отпустят, а вот как быть Артему? Я так понимаю, парень в свои четырнадцать абсолютно беспомощен. Нет, я не могу так рисковать. Несмотря даже на то, что без оружия и своих примочек чувствую себя... мягко говоря, не одетой. Ладно, я же не на криминальные разборки собираюсь. Отвезу мальчика к отцу, и дело с концом. Если подгадать с билетами, то можно обернуться и за двое суток... Заманчиво, конечно, получить сумму какую пожелаю за два дня работы. Но ведь согласилась я не поэтому...

Я сбегала на кухню за кофе, а потом залезла в Интернет – поискать сведения о своих работодателях. Вот тут меня ждало разочарование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.